

В.Г. Иванова

Лингвокультурный концепт Understatement в английской языковой картине мира

В концепции "язык и культура" сходятся интересы всех наук о человеке; это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Понятие "культура" В. Гумбольдт рассматривает применительно к аспектам его взаимодействия с языком, что еще раз подчеркивает непосредственную связь между этими явлениями. По В.Гумбольдту, язык - хранилище народного духа, культуры, «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных, звуках». [1:80]. Человек не укладывается в границы языка, за которым стоит предметный и духовный мир культуры. Язык всегда воплощает своеобразие народа, национальное видение мира, национальную культуру.

Сказанное выше находит свое отражение в учениях Э.Сепира и Б.Л. Уорфа, а точнее в их гипотезе лингвистической относительности. В начале XX века Э.Сепир и Б.Л.Уорф, выдвигая свою теорию, утверждали, что язык; как деятельность большой духовной силы определяет культуру народа; язык является обязательной предпосылкой развития культуры в целом. Язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих образ жизни народа. Язык обладает способностью непосредственно воздействовать на формирование и развитие народной культуры, то есть, можно сказать, что каждый язык формирует у его носителя определённый образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка. Э.Сепир выдвинул методологическое положение, раскрывающее единство и специфику культуры и языка: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают. Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [2:223]. Становится актуальной высказанная ещё в начале века Л.В.Щербой мысль, что "мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных, языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры"[3:57]. Поэтому необходимо изучать язык в теснейшей связи с «культурными зонами» и господствующими идеями народов, их совместного мыслительного творчества.

В этом контексте в последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи культуры, языка и сознания, которая является особенно актуальной в рамках лингвокультурологической научной парадигмы: проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определённого языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в той или иной культуре. Личность без стремления к своей абсолютной уникальности не может обойтись без общения,

диалога культур. Поэтому «язык - нация (национальная личность) - культура - центральная триада лингвокультурологии»[4:36]. «Лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее - на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке»[5:222].

Бесспорно, языки культуры многообразны, ведь «по - сути: своей, культура полиглотна»[6:23]. Каждый язык культуры имеет свои особенности, он непереволим адекватно ни на один другой язык. «Множество языков нужно культуре именно потому, утверждает М.С.Каган [6:23], что её информационное содержание многосторонне богато и каждый специфический информационный, процесс нуждается в адекватных средствах воплощения».

Каждый, язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Значит, каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Национально-культурное своеобразие определяют история, традиции, символы, мифы. Они составляют основу этнической характеристики языка. Картина мира лингвокультурного сообщества в целом формируется языком как средством воплощения тех или иных культурных установок, стереотипов, символов, эталонов и т.п., которые организуют данный социум в сообщество. Как справедливо отмечает Караулов: «Языковая картина мира соответствует способу мышления, присущему эпохе, духовным ценностям, выработанным человечеством и существующим в национальной идеосфере языка и культуры, интерпретации общей ценностной иерархии, организующей жизнедеятельность общества на основе декларируемых целей и идеалов».[7:36] **Под языковой картиной мира** мы понимаем исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, представляющих собой знания определенного народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов. Итак, проанализировав все вышесказанное, можно сказать, что языковая картина мира является отражением национальной картины мира народа, его менталитета. В данном случае важны такие особенности языка, как наличие в нем, помимо универсальных (общих для всех языков) элементов, элементов (концептов), обладающих культуроспецифичным для данного языка семантическим наполнением. В процессе формирования языковой личности конкретного носителя языка этноспецифичные элементы языковой картины мира (концепты) получают индивидуальное осмысление, то есть, по словам А.Вежбицкой в языках отражается различие в "этнофилософиях"[8]. При этом лингвокультурная общность коллектива обеспечивается за счет наличия у концептов инвариантного смыслового содержания, также закладываемых у языковых личностей в процессе их формирования.

Таким образом, при анализе взаимосвязи триады «язык» - «культура» - «нация», мы приходим к следующему выводу: язык предстает как семантический и культурный универсум, посредством лингвистического анализа которого можно постичь культуру и способ мышления народа. Соответствия между структурами языка и культуры могут ярко проявляться в концептах как отражении менталитета народа и его языковой картины мира.

Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой. «Лингвокультурный концепт - условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка,

сознания и культуры. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя вышеуказанными сферами может быть сформулировано следующим образом:

1) сознание - область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);
2) культура - детерминирует концепт (т.е. концепт - ментальная проекция элементов культуры);

3) язык - сфера, в которой концепт опредмечивается» [9:75-80]. Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю. С. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.», **концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека.** [10:43]. Автор считает, что концепт существует в ментальном мире человека в виде "пучка" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Концепты, как утверждает Ю.С. Степанов, не только мыслятся, они *переживаются*. Они - предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. [11:41].

Лингвокультурный концепт не может быть нейтральным, в нем отражается история конкретной культуры, этноса, нации и т.п. По мнению большинства лингвокультурологов (например, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, В.П. Нерознака, В.И. Карасика), не все концепты, имеющие языковую фиксацию, могут считаться лингвокультурными, а только те константы, в которых концентрируется определяющая для понимания культуры информация (в частности, в русской культуре такими концептами становятся «душа», «тоска», «воля», в немецкой - «порядок», «приказ», «страх», в английской - «свобода», «приватность», «предприимчивость» и т.п.).

К одному из таких культурно-специфических концептов, отражающих особенности англосаксонского менталитета и, возьмем на себя смелость утверждать, и всей нации в целом принадлежит исследуемый нами концепт *Understatement*.

В своей книге «How to be Decadent» Дж. Микеш [12] развивает идею о том, что *Understatement* является воплощением англосаксонского менталитета и пронизывает его настолько, что даже в делах любовных англичанину свойственна сдержанность, беспристрастность и невозмутимость или, во всяком случае, видимость, маска этого спокойствия: «The English have no soul; they have the understatement instead. If a continental youth wants to declare his love to a girl, he kneels down, tells her that she is the sweetest, the most charming and ravishing person in the world, that she has *something* in her, something peculiar and individual which only a few hundred thousand other women have and that he would be unable to live one more minute without her. Often, to give a little more emphasis to the statement, he shoots himself on the spot. This is a normal, week-day declaration of love in the more temperamental continental countries. In England the boy pats his adored one on the back and says softly: 'I don't object to you, you know.' If he is quite mad with passion, he may add: **I rather fancy you, in fact.**'

'If he wants to marry a girl, he says:

I say... what about... days on end'. [12]

Как мы видим из этой ситуации, демонстрирующей контраст между юношей с континента и типичным представителем английской расы, даже во время признания в любви, англичанин старается звучать нейтрально и сдержанно, сохраняя кодекс чести джентльмена. В этот момент обычно не выплескиваются наружу кипящие страсти или эмоции, а предпочитается нейтральная, эмоционально

неокрашенная лексика. Вместе с этим отрицание *I don't object to you* создает легкое, ироничное, шутовское настроение, так как говорится меньшее, чем на самом деле подразумевается. Именно это преуменьшение требует от собеседника интерпретации подтекста, намека, скрывающегося за этими словами. Аппроксиматор *rather* в свою очередь еще больше подчеркивает расхождение между реальным положением дел (парень по уши влюблен в девушку) и его вербализацией, что и создает комический эффект.

Уже вышеупомянутый британский юморист Дж. Микеш в своей книге *HOW TO BE DECADENT* пишет о том, что *Understatement* является не только отличительной чертой английского юмора, но и стилем, образом жизни, национальным характером англичан: “*Understatement is still in the air. It is not just a speciality of the English sense of humour, it is a way of life. When gales uproot trees and sweep away roofs of houses, you should remark that it is «A BIT BLOWY».* [12]

В своей статье «Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: *Understatement*» А.А. Джиева [13:49] отмечает, что очень часто *understatement* образуется при помощи использования слов типа *quite, rather, a bit, a little: I have a bit of a headache* (когда на самом деле у говорящего раскалывается от боли голова); *I am in a bit of a hurry.*

В вышеупомянутой статье приводятся следующие интересные примеры неизвестного автора:

I am not at all certain that I entirely like the tone of that remark.

I have just been listening to a man who got lost in a forest abroad for a week and was scrutinized by hungry wolves, smacking their lips. Was he terrified? – asked the television interviewer, obviously a man of Italian origin. The man replied that on the seventh day, when there were no rescuers in sight and the sixth hungry wolf joined the pack, he “GOT A BIT WORRIED”

Yesterday, a man in charge of a home where six hundred old people lived, which was to be found to be at fire risk where all the inhabitants might burn to death, admitted: “I MAY HAVE A PROBLEM” (mind you: He may have a problem. What about the six hundred?). [13:49]

Стоит отметить, что такие фразы как *a bit of, a spot of, rather and quite*, используемые в создании *understatement*, относятся, как правило к разговорному, неформальному языку и поэтому чаще всего употребляются в обычной повседневной речи для корректного, умеренного выражения чувств и эмоций.

Например: “...one can wish for nothing better than these troops of ours. They may be **a bit of a nuisance** in the easy times of peace, but one can't improve on them when things get **a bit hot. A spot of trouble** of this sort completely changes one's attitude to the troops.” [14:204]

У. Дж. Болл в своей статье очень точно подчеркивает национальную особенность англичан держать все под контролем и не выказывать своих эмоций: “Anything from a riot to a localized war can be termed **a spot of bother**. A serious administrative muddle can be **a bit of a mess**. A particularly outrageous or unreasonable suggestion can be **a bit off or a bit much**....And so we get the traditional picture of the Englishman with his stiff upper lip, his emotions under firm control, bringing the minimum of thought to action, muddling through somehow or other and expressing himself subsequently with modesty and brevity. By this same token we are not as prone to demonstrative gestures as are some other nations. We are less likely to ‘wear our hearts on our sleeves’ than many other people, and perhaps for this reason we have acquired the reputation of being reserved, aloof, passionless and undemonstrative”. [14:204]

Классический пример сдержанности описывается в книге Дж. Микеша, который приводит высказывание английской королевы, разгневанной одним из своих подданных: "We are not amused". Автор также описывает реакцию англичанина на заведомую ложь с помощью следующих высказываний: "Oh, is that so?", "That's rather an unusual story, isn't it?" [15:39].

В языковом плане understatement часто перекликается со знаменитым английским юмором. "We have satire instead of revolutions and uprisings", - отмечает К. Фокс, автор новой книги об англичанах "Watching the English" [16:403]. Как отмечает А.А. Джиеова [13:51], английский юмор всегда представлен в контексте, а английский контекст предполагает understatement:

Not bad (meaning outstandingly brilliant);

A bit of a nuisance (meaning disastrous, traumatic, horrible);

I may be some time (meaning "I am going to die", although... that one is possibly not intended to be funny).

Ср. также:

With all due respect, the right honorable gentleman is being a bit economical with the truth.

I do a bit of sport (I'm the acknowledged world expert on it). [13:51]

"The understatement rule, - пишет К.Фокс, - means that a debilitating and painful chronic illness must be described as "*a bit of a nuisance*"; *a truly horrific experience is "well, not exactly what I would have chosen"*; a sight of breathtaking beauty is "*quite pretty*"; an outstanding performance or achievement is "*not bad*"; an act of abominable cruelty is "*not very friendly*", and an unforgivably stupid misjudgment is "not very clever"; the Antarctic is "*rather cold*" and the Sahara is "*a bit too hot for my taste*", and my exceptionally delightful object, person or event which in other cultures would warrant streams of superlatives, is pretty much covered by "*nice*", or, if we wish to express more ardent approval, "*very nice*"[16:67].

Приведем еще некоторые примеры того же автора:

"We have a tendency to say "*well I expect we'll manage somehow*", when we mean "*Yes, certainly, no trouble*", and "*That would be quite helpful*", when we mean "*For Christ's sake, that should have been done yesterday!*" and "*We seem to have a bit of a problem*", when there has been a complete and utter disaster. (Another typically English response to, say, a catastrophic meeting where a million-pound deal has fallen through, would be "*That all went rather well, don't you think?*") [16:181].

Причины, которые лежат в основе особой любви англичан к *understating*, - это неписанные запреты на серьезность, излишнее выражение эмоций, открытое хвастовство, претензия на значимость, важность. Все это требует постоянного использования understatement.

Как часть английского юмора, а точнее, иронии, правило **understatement** стоит рядом с другими правилами английского речевого поведения: 1. **The Importance of Not Being Earnest Rule** и 2. **Oh, come off it** (означающее приблизительно русское «Ну, перестань!») (быть таким важным, значимым, помпезным и т.п.): "Understatement is a form of irony, rather than a distinct and separate type of humour. It is also a very English kind of irony - the understatement rule is a close cousin of the Importance of Not Being Earnest rule, the 'Oh, come off it' rule and the various reserve and modesty rules that govern our everyday social interactions" [16:67]. Анализируя сущность Understatement, исследовательница приходит к выводу: "*It is humour, but it is a restrained, refined, subtle form of humour*". [16:67].

У. Болл останавливается и на использовании *Understatement* в английской разговорной речи. Он указывает на то, что существует зависимость выбора языковых средств от ситуации высказывания, а также от социальных и психологических факторов общения. Отмечается, что англичане прибегают к коду сдержанности в моменты большого эмоционального напряжения: "In time of greatest emotion – but not necessarily in times of recollection after the emotion – the tendency in English is towards understatement". [14:203] Например, описывается случай с шотландским миссионером Давидом Ливингстоном, долгое время считавшимся погибшим. Американский репортёр Стэнли, отправившийся на поиски Ливингстона, неожиданно обнаружил его в толпе африканцев. Стэнли рассказывает, как произошла встреча: "Мне хотелось обнять его, броситься к нему, но поскольку он англичанин, я не знал, как он к этому отнесётся". Поэтому взволнованный американец, сознательно скрывая свои чувства, приблизился к Ливингстону со словами:

"Dr. Livingstone, I presume?"

"Yes," he said with a kind smile, lifting his cap slightly. [14:203]

Данный пример *Understatement* стал хрестоматийным. Комментируя его, У. Болл отмечает, что речевое поведение участников вышеприведённого диалога вполне соответствует логике ситуации.

Однако самый очевидный, вопиющий случай использования *Understatement* принадлежит миссис Кеннеди, которая в момент трагической гибели своего мужа, умирающего у нее на руках, смогла только произнести: 'Oh, no!' И эти два слова весьма точно описывали состояние ее души. [14:203]

Приведём ещё один случай употребления *Understatement*, рассматриваемый У. Боллом: если ваш приятель, увлекающийся столярным делом, показывает одно из своих изделий, может произойти следующий обмен репликами:

"That's a nice piece of work."

"Yes, it's not so bad." [17:17]

Выражение 'it's not so bad' ("не так уж плохо") представляет собой обычную форму реакции на похвалу, которая отражает присущую англичанам скромность, стремление не показаться излишне хвастливым. В то же время, если данное выражение служит ответом на вопрос, как вам понравилась работа приятеля, его следует рассматривать как скрытую критику, вызванную нежеланием обидеть собеседника [17:17].

Можно привести еще один пример:

When Sir Harold Nicolson was Parliamentary Secretary to the Ministry of Information during the early part of the last war, he complained to the Admiralty that there were no photographs of the sinking of the German battleship Bismarck, and he was told by the Admiralty Spokesman: 'Well, you see, you must see, well upon my word, well after all an Englishman would not like to take the snapshots of a fine vessel sinking'. [14:203] Из этого примера можно увидеть, что в ситуации смущения и замешательства, говорящий использует так называемые *hedges* и *fillers*, которые также являются средствами выражения *understatement*.

Еще одним способом выражения *understatement* является двойное отрицание, которое призвано реализовывать стратегию намека и делать смысловые акценты. Например, предложение "***I am not unaware of the fact***" необязательно будет означать "***I am aware of the fact***". [14:205]

Иногда подобные фразы могут вызывать недопонимание и даже подозрение, поскольку могут быть по-разному интерпретированы. В качестве примера можно привести заголовок газеты The Times о безопасности в воздухе: “*No air operator in Britain is unfit to run his airline: no aircraft, however aged, is unfit to fly*”. [14:206] С одной стороны можно позитивно интерпретировать это высказывание, с другой стороны для разных людей критерии оценки состояния *unfit* могут быть совершенно различными, и для некоторых эта фраза будет звучать уже совсем не обнадеживающе.

Наконец, **understatement** используется для смыслового акцентирования и выделения наиболее важных моментов предложения и придания дополнительной экспрессивной окраски и эмоционального оттенка высказыванию. Например: “*Not for the first time have I asked myself this question*”. [14:207] В зависимости от контекста это предложение может выражать различные эмоции, включая раздражение, удивление, досаду, а инверсия в предложении добавляет экспрессивной окраски.

В своей статье “Understatement and Overstatement in English” У.Дж. Болл [14] приводит следующий пример: “ ‘*a rather unsatisfactory term’s work*’ usually means that the headmaster wishes to soften the blow to the boy’s pride and so avoids saying bluntly ‘*a poor term’s work*’. *Rather, like quite*, is a matter of degree, and they are both weaker than very: ‘*A very unsatisfactory term’s work*’ is an uncompromising verdict. ‘*Rather unsatisfactory*’ leaves a margin for discretion and compassion.” [14:207]

Вместе с тем, У. Болл указывает на то, что Overstatement также является проявлением национального британского характера: “It has its counterpart in behaviour and in some of our institutions”. [17]. Автор считает, что англичанам свойственно преувеличивать те обстоятельства, на которые не следует обращать внимание вообще.

Таким образом, **understatement**, будучи лингво-и культурноспецифичным концептом, отражающим английскую национальную языковую картину мира, а также особенности англосаксонского менталитета, может быть выражением разных чувств и эмоций, включая смущение, замешательство, волнение, а также помогает избегать категоричных высказываний, оскорблений, напыщенности, помпезности и хвастовства, которое так не любят англичане. **Understatement** может использоваться для того, чтобы нейтрализовать эмоции, внести непринужденность «правильно» расставленными акцентами, регулировать степень эмоционального воздействия на собеседника, смягчать отрицания.

Литература:

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с.80.
2. Сепир Э. Язык, раса и культура / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993, с.223
3. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.57
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997, с.36.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. — с.222
6. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996. -416с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987, с. 36
8. А.Вежбицкая Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 75-80. Карасик, 2001
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: «Академический проект», 2001, с.43
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования". М.: Школа «Языки русской культуры», 1997:41
12. Mikes G. How to Be Decadent// Mikes G. How to Be a Brit. Clays Ltd, 1984. P.P.185-264.
13. Джиоева А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: UNDERSTATEMENT. Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 3.
14. Ball W.J. "Understatement and Overstatement in English" // English Language Teaching, 1970. V.XXIV, №3, P.203-208
15. Mikes, G. How to be an Alien IG. Mikes. - London: Wingate, 1946, с.39
16. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, 2004.
17. Ball, W. Conversational English / W. Ball. - London: Longmans, 1962, с.17